

УДК 820.09 (043.3) + 82.015 (043.3)

ДРЕВНЕРИМСКАЯ ПОЭЗИЯ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ И ПРИНЦИП ОТРАЖЕНИЯ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ ЭЗРЫ ПАУНДА

Н.В. НЕСТЕР

(Полоцкий государственный университет)

Представлен анализ произведений древнеримской поэзии, послуживших основой для создания поэтических текстов Эзры Паунда. Приведены разнообразные примеры заимствований и определены их эстетические и мировоззренческие функции.

В поэтических текстах Паунда содержатся частые ссылки на различных римских поэтов, таких как Катулл, Гораций, Вергилий, Овидий, Проперций. При этом Паунд не цитирует фразу из того или иного литературного источника, а обрабатывает ее и осмысливает по-своему и в соответствии со своей эпохой. Аллюзия и цитация на основные темы римской действительности охватывают патриотическую проблематику в несколько ироничном аспекте, любовную проблематику - с осознанием чувства, которое было характерно для римлянина, и в то же время с преломлением, если даже не с искажением воспринятого современником человеком.

Эпиталамий (LXII) Катулла послужил для Паунда основой для заимствования образа Веспера (Canto II). Так называлась в античной мифологии планета Венера, которая имела утреннее название «Люцифер» («Светоносец») и вечернее — «Веспер». Вторая свадебная песнь Катулла представляет собой состязание хора девушек (подруг невесты) и юношей (друзей жениха). При этом в эпиталамии Катулла образ Веспера раскрывается утром и вечером. Друзья жениха называют Веспер звездой счастья, которая брачным светом скрепляет союзы смертных, а подружки невесты - жестоким светилом, которое вырывает дочь из объятий матери. В тексте Паунда образ Веспера предстает вечером и используется для передачи красоты вечернего пейзажа.

Стихотворение «Phasellus ille» (лат. «Кораблик тот») из сборника «Ripostes» (1912) представляет собой пародию на стихотворение Катулла (IV). В соответствии с обычаем, вернувшись из вифинского путешествия (56 г. до н.э.), Катулл посвящает богам изображение корабля и в сделанной надписи рассказывает о пройденном им пути. Паундовский кораблик сделан из папье-маше, (материал указывает на его непрочность) и надпись на нем представляет собой нелестные слова в адрес английского драматурга Бернарда Шоу. Отношение Паунда к Шоу сменилось от восторженного в начале творческого пути до полной антипатии в зрелые годы. Особенно задел Паунда отказ Шоу подписаться на публикацию «Улисса» Джойса в 1922 году:

The *papier-mâché*, which you see, my friends,
Saith 'twas the worthiest of editors...
Come Beauty barefoot from the Cyclades,
She'd find a model for St. Anthony
In this thing's sure *decorum* and behavior.

Стихотворение «Conversations in courtship» (Uncollected poems 1912 - 1917) представляет собой форму диалога между возлюбленными, в который иногда вкрапляются реплики матери девушки о недостойном выборе избранника. В самом названии стихотворения содержится намек на «Разговоры богов» Лукиана («Разговоры в царстве мертвых», «Разговоры гетер», «Морские разговоры»). Паунд сравнивает своего лирического героя с богом: «Deo mi par esse» (лат. «Богу я равен»):

Deo mi par esse
Every eye keeps following her
even after she has stepped out of range,
A single goddess,
uniquely.

Такая трактовка влюбленного восходит к Катуллу (LI), который уподобляет влюбленного богу: «ille mi par esse deo videtur» (лат. «Тот видится мне равным богу»). Стихотворение Катулла, обращенное к Лесбии, воспекает счастливую любовь. Однако неуверенность поэта в своем успехе не позволяет ему говорить о своей любви собственными стихами. Поэтому он передает свои чувства, используя вольный перевод оды Сапфо. Катулл усиливает мысль Сапфо - его лирический герой (собеседник Лесбии) не просто равен богам, он их превосходит.

Эпиграфом к стихотворению Паунда «Chommoda» (Poems from miscellaneous manuscripts, 1902 - 1917) послужил фрагмент цитаты из стихотворения Катулла (LXXXIV) «Chommoda dicebat, si quando commoda

vellet // Dicere, et hinsidias Arrius imidias» (лат. «Хоммода» стал говорить вместо общего «коммода» Аррий // Вместо «инсидиас» «хинсидиас» говорит...»). Аррий, о котором речь идет у Катулла, отправляется на Восток и говорит со своим провинциальным произношением о «благах» (commoda) и «опасностях» (insidiae), которые его поджидают. Лирический герой стихотворения Катулла - модник, подражает греческому произношению и говорит слова с придыханием (h) в начале слова и на некоторых согласных,

Паунд иронически переосмысливает сюжет стихотворения Катулла и находит ему применение для продавщицы из магазина. В течение двух лет лирический герой созерцал ее классический микенский профиль и блестящие вьющиеся волосы. И вот наступило время - она заговорила. На замечание героя, что магазин должен закрываться в 8³⁰, она ответила: «Нпо heughte o'klok».

В стихотворении «Famam librosque сапо» (лат. «Славу и книги пою») из сборника «A Lume Spento» (1908) Паунд иронически перифразирует начало «Энеиды» (I, 1) Вергилия «Arma virumque сапо» (лат. «Оружие и мужа пою»). Этот текст является переосмыслением Паунда темы поэта и поэзии.

Паунд необычно строит структуру своего стихотворения. Сначала он задает вопрос своему собеседнику о его стихотворениях и читателях (ими оказываются дети, которые с улыбкой воспринимают то, что им читают матери). Затем Паунд спрашивает себя о своих стихотворениях и сам отвечает, что его стихи читает только чудак, которого не принимает общество. Поэтому было достаточно трудно избежать бессмертия в «век Паунда». Фраза «Famam librosque сапо» получила новое значение после выхода в 1894 году книги Бернарда Шоу «Оружие и человек».

В стихотворении «Redondillas, or something of this sort» (Poems withdrawn from «Canzoni») Паунд цитирует фразу из «Энеиды» Вергилия (I, 1 - 2) «Arma virumque сапо, qui primus, et cetera, ab oris» (лат. «Битвы и мужа пою, кто первый от берегов (Трои)»), которая пародируется:

Arma virumque сапо, qui primus, et cetera, ab oris,
Even this hobbledy-hoy
Is not my own private invention.
We are the heirs of the past,
It is asinine not to admit it.
O Virgil, from your green Elysium
See how that dactyl stubs his weary toes.

В вышеуказанном стихотворении Паунд цитирует фрагмент фразы из четвертой эклоги (IV) Вергилия «Magnus ab integro saeculorum nascitur ordo» (лат. «Сначала начинается строй величавый»), которую считали пророчеством о рождении Христа.

Why should I cough my head off
with that old gag of «Nascitur ordo»?

Паунд дает исчерпывающее описание возлюбленной в стихотворении «Conversations in courtship» (Uncollected poems 1912 - 1917) и уподобляет ее богине: волосы сравнивает с лазуритом, плечи - с золотым слитком, пальцы - с лепестками в глазах лирического героя, бедра и ноги считает прекраснее всей красоты, благородную поступь ее называет - «vera incessu» (лат. «истинная - в поступи»), Паунд использует фрагмент фразы из строки Вергилия («Энеида», I, 328) «et vera incessu patuit dea» (лат. «истинная богиня является в поступи»). Согласно античной традиции считалось, что боги передвигаются, не представляя ног. Вергилий заимствует это представление у Гомера.

Название стихотворения «Monumentum aere, etc.» (Poems from «Blast», 1914) содержит фрагмент строки из оды Горация «Ad Melpomēnem» (лат. «К Мельпомене») (III, 30,1): «Exegi monumentum aere perennius...» (лат. «Памятник меди прочнее воздвиг...»). Идея «Памятника» Горация находит у Паунда выражение в несколько насмешливом ключе, который задает ироничный тон всему стихотворению. Поэт обращается к своему собеседнику с утверждением о тленности мелочного настоящего, которое в будущем не будет иметь никакого принципиального значения:

You say that I take a good deal upon myself;
That I strut in the robes of assumption.

На оду Горация (III, 30) у Паунда есть и другие аллюзии. Так, в стихотворении «Occidit» (лат. «Заходит (солнце); закат») из сборника «Personae» (1909) поэт переводит «Aufidus» как «Западный ветер», хотя «Aufidus» - это река в Апулии, которую упоминает Гораций.

В четвертой (IV) части поэмы «Hugh Selwyn Mauberley» (1920) Паунд приводит фрагмент цитаты из знаменитой оды (III, 2, 13) Горация «Dulce et decorum est pro patria mori» (лат. «Сладко и приятно умереть за родину»). Первые шесть од из третьей книги Горация представляют единое целое (III, I - VI). Здесь поэт упоминает те черты, которыми должен обладать доблестный римлянин, делает акцент на основном своем требовании - «золотой середины» (aurea mediocritas), призывает довольствоваться малым,

так как умеренность закаляет человека. Последнее требование является составляющей римской добродетели и залогом достойного поведения на войне.

Паунд иронизирует над современными героями, которым чужд лозунг настоящих героев: они готовы отдать жизнь за родину, но не «сладко» и «неприятно», как об этом говорит Гораций:

These fought, in any case
and some believing,
pro domo, in any case...

Сборник «Canzoni» (1911) Паунд посвящает Оливии и Дороти Шекспир. Для сборника Паунд использует в качестве эпитафии цитату «Quos ego Persephoneae maxima dona feram» (лат. «Я их несу Персефоне как самый великий дар») из элегии Проперция (II, XIII, 27). Проперций полагал, что достаточно написать три хорошие книги в течение всей жизни.

Хватит мне, хватит вполне, коль в процессе будут три книги:

Как величайший их дар их Персефоне несу (пер. Л. Остроумова).

«Prayer for his lady's life» (Canzoni, 1911) представляет собой довольно точный перевод элегии Проперция (II, XXVIIIc, 1 - 16) без последних шести строк. Проперций обращается к Персефоне и ее супругу с молитвой даровать жизнь его возлюбленной. Повтор первых четырех строк в конце стихотворения принадлежит Паунду:

*Here let the clemency, Persephone, hold firm,
Do thou, Pluto, bring here no greater harshness.
So many thousand beauties are gone down to Avernus,
Ye might let one remain above with us.*

В качестве эпитафии к сонету «Roma» (Canzoni, 1911) Паунд использует фрагмент из элегии Проперция (IV, I, 87) «Troja Roma resurges» (лат. «Троя Римом воскреснешь»). Данная элегия содержит автобиографический материал и написана в форме монолога, обращенного к страннику, с целью рассказать о своей родине. Сонет «Roma» является переводом с французского языка из «Римских древностей» (1558) Иохима дю Белле (1522 - 1560).

O thou new comer who seek'st Rome in Rome
And find'st in Rome no thing thou canst call Roman...
Rome that art Rome's one sole last monument,
Rome that alone hast conquered Rome the town.

Вторая часть стихотворения «Victorian eclogues» «Satiēmus» (лат. «Насытим») из сборника «Canzoni» (1911) - аллюзия на элегию Проперция (II, XV, 23) «Dum nos fata sinunt, oculos satiēmus» (лат. «Пока нам судьба позволяет, страстью насытим глаза»). Данная строка обыгрывается и в поэме Паунда «Homage to Sextus Propertius» (VII, 16).

«Victorian eclogues» являются также аллюзивным ответом на стихотворение Эрнеста Доусона, название которого восходит к той же элегии Проперция. Параллель с Доусоном прослеживается и на образно-словесном уровне. Так, у Доусона ветви «вздыхают», а в конце стихотворения он просит возлюбленную перестать смеяться.

Поэма Паунда «Homage to Sextus Propertius» (1917) является переложением третьей книги элегий Проперция. Сексту Проперцию (49 - 15 гг.) принадлежат четыре элегических сборника стихотворений, объединенных одной темой - темой любви к некоей Кинфии. Особый интерес представляет третья книга элегий, в которой Проперций развивает тему самооценки собственного литературного творчества. Очевидно, подражая Горацию, Проперций говорит, что он первый принес в Италию поэзию Каллимаха и Филета Косского и что его стихотворения долговечнее пирамид и храмов.

Поэма Паунда «Homage to Sextus Propertius» - перевод как вольное критическое исследование-переложение, «маска» Паунда, гротеск и воссоздание не только атмосферы имперского Рима времен Проперция, но и Англии после первой мировой войны.

«Метаморфозы» Овидия Паунд читал в английском переводе Артура Голдинга, труд которого он воспринял как метаморфозы красоты при передаче ее с одного языка на другой, своеобразное преломление красоты во времени. Одним из важных античных мотивов, который находит воплощение в творчестве Эзры Паунда, является мотив превращения или метаморфоз. Поэт опирается на «Метаморфозы» Овидия и черпает из мифо-эпической поэмы различные сюжеты мифологического характера.

В стихотворении «The tree» (A Lume Spento, 1908) Паунд использовал два популярных мифологических сюжета о превращении в деревья: о нимфе Дафне («Метаморфозы», I, 452 - 567), убежавшей от преследования Аполлона и превращенной в лавр своим отцом Пенеем; и супружеской паре фракийских стариков - Филемоне и Бавкиде. Они гостеприимно приняли в образе странников Юпитера и Меркурия и

были спасены ими от потопа, погубившего все их селение. В час смерти они были превращены в дуб и липу, растущие из одного корня (Овидий «Метаморфозы», VIII, 612 - 725):

I stood still and was a tree amid the wood
Knowing the truth of things unseen before,
Of Daphne and the laurel bow
And that god-feasting couple olde
That grew elm-oak amid the wold.

Мотив превращения Дафны в лавр был использован Паундом «A girl» (Ripostes, 1912). Формальная сторона этого стихотворения напоминает «Метаморфозы» Овидия и последовательно воспроизводит превращение Дафны в лавр. Однако повествование здесь идет не от лица автора, как у Овидия, а от имени самой Дафны. В этом стихотворении для поэта важна не аллюзия на миф о Дафне, а испытание себя в декоративном словотворчестве и музыкальной мелодии стиха:

The tree has entered my hands,
The sap has ascended my arms,
The tree has grown in my breast -
Downward,
The branches grow out of me, like arms.

В поэме «Hugh Selwyn Mauberley» (1920) Паунд обращается к мифу о Дафне. В этом случае нимфа ~ часть дизайнерской задумки, служащая для декорирования гостиной. Паунд признавал, что образ Дафны был близок ему, и он предпочел бы, чтобы Дафна превратилась не в лавр, а в коралл.

В качестве эпиграфа к стихотворению «An idyl for Glaucus» (Personae, 1909) Паунд использует цитату из «Божественной комедии» Данте (Paradiso, I, 67 - 69). Однако «An idyl for Glaucus» - аллюзия не на Данте, а на «Метаморфозы» Овидия (XIII, 898 - 968). Этот миф рассказывает о том, как Главк превратился в морское божество, отведав чудодейственной травы. В «Метаморфозах» Овидия Главк повествует о своих злоключениях и ищет ответной любви у Сциллы, которая страшится его чудовищного вида и спасается от него бегством.

Повествование в тексте Паунда ведется от имени безымянной девы, которая ищет Главка. Тем не менее для поэта имеет значение не просто метаморфоза, а то, что преображенный Главк становится чуждым всем смертным и все смертные, соответственно, становятся чуждыми ему. Таким образом, все стихотворение «An idyl for Glaucus» можно рассматривать как развернутую метафору влияния поэзии на поэта и искусства на художника в целом:

He is become estranged from all the rest
And all the sea is now a wonder house...
E'en now he speaks strange words, I did not know
One half the substance of his speech with me.

Один из основных лейтмотивов творчества Паунда от ранних стихов до «Cantos» - метаморфозы. В балладе «Pierre Vidal old» (Exultations, 1909) и «Canto IV» речь идет о провансальском трубадуре (конец XII - начало XIII вв.), который оделся в волчью шкуру, будучи влюбленным в даму по имени Лоба (Прованс. - «волчица»), и дал себя затравить собаками. Паунд проводит параллель между Видалем и Актеоном (Овидий «Метаморфозы», III, 138 - 252). Богиня Артемида превратила Актеона (сын Аристея и Автонои) в оленя за то, что он увидел ее обнаженной, и его разорвали собственные собаки.

Стихотворение «Хепиа» (букв. с греч. «подарок уходящему гостю») из сборника «Personae» (1909) соответствует названию сборника «Ксении» («Подарки») - надписи к подаркам, подносимым гостям за обедом - эпиграмм римского поэта Марциала. Данное стихотворение является фрагментом-вариацией стихотворения «Lotus-Bloom» («Poems from the San Trovazo notebook»).

В заключение необходимо сделать следующие выводы. Во-первых, среди римских поэтов Паунд отдает предпочтение произведениям поэта-неотерика Катулла; далее следуют Вергилий, Гораций, Проперций, Овидий. Во-вторых, влияние римских поэтов ограничивается использованием Паундом цитат и цитатных заглавий из их ключевых произведений. В-третьих, Паунд в отстраненной форме выражает свое отношение к современному миру и бытию, сохраняя при этом суть и дух римских оригиналов (перевод-маска). В-четвертых, Паунд изобретает разновидность перевода - перевод как критическое исследование.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида / Пер. С. Шервинского и С. Ошерова. - М., 1979.
2. Гораций. Оды, эподы, сатиры, послания / Пер. под ред. М. Гаспарова. - М., 1970.
3. Катулл. Тибулл. Проперций / Пер. под ред. Ф.А. Петровского. - М., 1963.
4. Овидий. Собрание сочинений. Том I, II. / Пер. С. Шервинского. - СПб., 1994.
5. Эзра Паунд. Стихотворения и избранные Cantos. - СПб.: Владимир Даль, 2003.